

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

ЦАРЕВИЧ СИМЕОН ИЗ ЗАПОРОЖЬЯ
*Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I**

Поддельные самодержцы всея Руси очень часто находили тёплый приём у казаков – донских, запорожских, яицких, вечно готовых пошуметь, покуражиться, поиграть в азартные игры с властью, побороться за правду и справедливость. Для самозванцев эти рискованные предприятия часто заканчивались на Красной площади в Москве – и отнюдь не парадом, а четвертованием...

24. «Царевич Симеон, сын царя Алексея Михайловича» [октябрь/ноябрь ? 1673 – 15 сентября 1674]; «князь Семён Еремеев сын Вишневецкий, брат польского короля Михаила Корибута» [15 сентября 1674] – Семён Иванов сын Воробьёв

Будущий самозванец родился примерно в 1652 году на украинских землях Речи Посполитой – в селе на левой стороне Днепра под городом Лохвица. По социальному происхождению он был «мужичей сын», его отец Ивашка Андреев сын по прозвищу Воробей, или Воробьёв, был крепостным крестьянином («подданным») князя Иеремии (Еремея) Михайловича Вишневецкого. По вероисповеданию Семён был православным. Когда он был ещё младенцем, отец вместе с ним из родного села перебрался в Варшаву. Вскоре почти вся Речь Посполитая, включая столицу, была оккупирована шведами (1655–1656). Под Варшавой Семён попал к ним в плен.

Примерно шесть лет своей жизни он провёл в услужении: сначала прислуживал захватившему его шведу, потом – купцу из украинского города Глухова, которому прежний господин продал его где-то «под Вислою». Когда же купец вернулся домой, то перепродал Семёна какому-то «литвину». Однако в Глухове будущий самозванец прожил всего недель с пять, после чего, найдя себе товарищей, сбежал. Раз он решился на побег, значит, был уже вполне самостоятельным – вряд ли ему было тогда менее 10 лет. Значит, это произошло примерно в 1662 году.

Около восьми лет Семён провёл, скитаясь по разным городам Слободской Украины, – жил в Харькове, Чугуеве и в иных местах поблизости от Северского Донца. Что он делал, мы не знаем. Однако можно предположить, что именно в этот период он выучился грамоте. Судя по его собственноручным записям периода самозванства, он предпочитал говорить и писать по-малороссийски.

Поскольку Воробьёв достиг совершеннолетия на Слободской Украине, которая с начала XVII века входила в состав Московского государства, то он стал считаться российским подданным. К 1670 году он через Северский Донец пришёл на Дон и поселился в Черкасске. Правда, звал он себя почему-то уже не Семёном, а Матвеем. В столице Войска Донского Воробьёв жил на положении «бурлака» – наёмного работника, не имеющего прав донского казака. Его даже называли пренебрежительно – Матюшка. В апреле 1671 года он видел только что схваченного Степана Разина, которого привезли в Черкасск для отправки в Москву.

Примерно в сентябре 1673 года Воробьёв с четырьмя товарищами – видимо, такими же «бурлаками» – отправился искать счастья в верховья Дона, желая попасть в разбойничий отряд под предводительством Ивана Миусского (Миуски).

«ПРОЯВЛЕНИЕ»

Миусский был некогда донским казаком (бежал, будучи уличённым в конокрадстве), затем «вожем» – проводником в степях меж Доном и Запорожьем, потом разинским атаманом и, наконец, предводителем разбойничьей шайки, грабившей с конца 1672 года купцов и служилых людей в окрестностях Северского Донца.

В августе – сентябре 1673 года шайка Миусского включала более 200 человек. В неё входили бывшие разинцы, а также некоторые жители верховых городков Донского войска. Войсковая администрация послала против разбойников карательный отряд, но те узнали об этом и скрылись. Вскоре оказалось, что они перешли на устье Чёрной Калитвы, где вновь принялись за старое: «торговым и

* Продолжение. Начало см.: Родина. 2006. № 6–8.

[с. 31]

служилым людям не стало проезду». Когда до воронежского воеводы дошёл слух, что «воровская станица» планирует будущей весной перейти на Волгу, он тоже отправил против неё казаков, но разбойники опять сумели скрыться.

Скорее всего, в конце сентября – октябре 1673 года Иван Миусский распустил на время свой отряд и с несколькими соратниками решил ехать в Запорожскую Сечь, дабы укрыться от «сыщиков». Будущий лжецаревич и его спутники были вынуждены последовать за ними. Всего, включая Воробьёва, к Днепровским порогам поехали девять человек. Помимо Миусского, нам известны лишь двое первых сподвижников самозванца – некие Мережка и Миколайка.

Видимо, на пути в Сечь самозванец и «проявился» – в октябре – ноябре 1673 года на реке Самаре, левом притоке Днепра. Отринув псевдоним Матвей, он предстал перед спутниками в качестве «царевича Симеона Алексеевича». Для доказательства своего высочайшего происхождения он показал имеющиеся на его теле «царские знаки» – правда, лишь Миусскому. Тот, поверив самозванцу, силой своего авторитета обеспечил ему поддержку со стороны других спутников.

По всей видимости, первые «поданные» лжецаревича были малороссами. По крайней мере, «хохлачами» были Миусский и упомянутый Миколайка. Последний на следствии говорил, что у них – Миколайки, И. Миусского и самозванца – «русских людей... в одной думе не было». Ввиду этого украинское происхождение самозванца, которое должно было проявляться в его говоре и манере речи (раз уж проявлялось на письме), не мешало ему играть роль московского царевича.

Однако он по-прежнему был не богат. Это видно хотя бы по одежде, в которой он приехал в Сечь: «кафтан зелен, лисицами подшит, а под исподом кафтанец червчатой китайковой» (китайка – простая, очень прочная, гладкая бумажная ткань). Что касается физического облика «царевича», то он был смуглым, среднего роста, со стройной фигурой, «в животе тонок, плечист», с продолговатым и «скуловатым» лицом, небольшим острым носом и небольшими ушами, тёмными курчавыми волосами.

Первоначальные планы «царевича» были далеко не бунтарскими. Он заявлял, что хочет проехать в Киев и оттуда подать о себе весть «батюшке» – царю Алексею Михайловичу. Если же связаться с великим государем не удастся, то он пойдёт в Польшу и будет просто там жить.

Однако позднее, будучи в Запорожье и заигрывая с казаками, Семён Воробьёв принялся провозглашать лозунги, напоминая недавние дни разинщины. Он предлагал пойти войной на Москву в союзе с «крымской ордой», чтобы побить «бояр» – царедворцев и

управителей, повинных в том, что до запорожских казаков не доходят государево жалованье, пушки и «всякие воинские запасы».

Такая метаморфоза была вызвана тем, что, с одной стороны, запорожцы были недовольны стремлением российского правительства контролировать обстановку на Украине, где сталкивались интересы Москвы, Стамбула и Варшавы, а, с другой стороны, сечевики считали, будто царь оказывает им недостаточно помощи. Запорожская вольница пыталась отстоять свою автономию и при этом извлечь выгоду из того, что в то время за власть на Украине вели борьбу сразу четыре гетмана: на левом берегу Днепра господствовал верный царю Иван Самойлович, а на правом берегу стремились властвовать Пётр Дорошенко, Пётр Суходей (Суховеренко) и Михаил Ханенко.

Кроме того, личную неприязнь к московским властям испытывал кошевой атаман (предводитель сечевиков) Иван Дмитриевич Серко. В 1672 году он чуть было не стал гетманом Левобережной Украины, но Москва сделала ставку на Самойловича. Серко же был сослан в Сибирь. И хотя уже весной 1673 года он вернулся в Сечь, забыть нанесённые ему обиды он, естественно, не мог.

[с. 32]

САМОЗВАНЕЦ В ЗАПОРОЖЬЕ

С 1652 по 1709 год Запорожская Сечь располагалась на реке Чертомлык. Имеется в виду «кош», то есть, во-первых, город – укреплённое рвом, валом и деревянной стеной с башнями поселение, где находились майдан (место для проведения рады – собрания казачьей верхушки, высшего органа управления), войсковая «скарбница» (казна), патрональный казачий храм Покрова Богородицы и курени* многих запорожцев, а во-вторых, расположенные вне сечевого города курени, хозяйственные постройки и помещения для гостей.

На «кош» лжецаревич со спутниками приехал в ноябре – декабре 1673 года. Это случилось днём, «в виденье всех казаков». Приезд был обставлен довольно торжественно: Воробьёв и его свита ехали на конях, развернув «два знамени, а на них написаны орлы да сабли кривые» (скорее всего, это были прежние знамёна шайки Миусского). Приезжие остановились вне города – в одной из помещений, возведённых для «государевых ратных людей», которые помогали запорожцам на поле боя в 1663–1666 годах.

Приезда «царевича» Иван Серко не видел – он ходил с молодыми казаками в поход под Бендеры. За его отсутствием начальствовал «наказной кошевой» – им был войсковой судья Степан Белый. Именно он первый узнал, что в Сечь пожаловал «государич». Об этом ему сообщил Миусский, который заодно поклялся, что привёл не самозванца, но истинного царевича, и сослался на то, что «у того называющегося царевича на правом плече и на руке есть знамя видением царского венца». Судья попытался вызвать на разговор и самозванца, но тот заявил, что желает говорить лишь с Серко. Было решено позволить гостям остаться до возвращения кошевого атамана, но в сечевой город «царевича» со спутниками жить не впустили. Возможно, дело было не в недоверии к его притязаниям, а том, что тогда в Сечи было «морское поветрие» – заразная болезнь, от которой чуть ранее умерли пять человек.

Через неделю вернулся Серко. Когда он со своим отрядом приближался к сечевому городу, «царевич», демонстрируя почтение, вместе с казаками распустил знамёна и выехал ему навстречу. Но Серко его «так ж принял, как и иных товарищей». Лишь побыв на раде и узнав новости, он «по того царевича послал».

Кошевой атаман почему-то решил встретиться с «государичем» вне города. В присутствии четырёх «знатных товарищей» и гетманского посланца Григория Зуба он первым делом спросил у Воробьёва, действительно ли он сын царя Алексея Михайловича?

Самозванец, призвав Бога в свидетели, ответил утвердительно, причём встал, снял шапку «и якобы чрез плачь говорил». После этого все присутствующие тоже сняли шапки и, поклонившись лжецаревичу до земли, стали потчевать его хмельным питьём. Тот выпил для вежливости, а потом некоторое время сидел и смотрел на остальных, «опустя руки к земли».

Тут Серко представил «царевичу» Зуба, который спросил, не хочет ли «государич» своей рукой написать о себе гетману Самойловичу и великому государю. Самозванец, адресуя свои слова гетману, сказал только: «Кланяюсь». Потом добавил: «А к батюшку писать трудно для того, чтоб моя грамотка бояром в руки не попалась, чего зело опасаясь. А такой человек мне не изыщется, чтоб в самые руки грамотку мою батюшку моему великому государю мог ль отдать. И ты де, кошевой атаман, умилосердись о мне – никому того руским людем не объявляй».

О своей жизни «царевич» говорил, что сослан был на Соловки и там тайно познакомился со Степаном Разиным, который приезжал на богомолье. Потом они оба поехали на Дон, и самозванец якобы находился постоянно при Разине, в том числе и во время похода на Каспий. О высочайшем происхождении Семёна, помимо С. Разина, ведали-де лишь его атаманы. Когда же Степана схватили, «наследник российского престола» отправился на Северский Донец, где повстречал Миусского, открылся ему и поехал с ним в Сечь. Наконец, Лжесимеон поведал, что «намерение такое имеет: тайно быть в Киеве и х королю полскому доехать».

После этой встречи самозванец ещё не раз приезжал в гости к атаману и пытался развеять его недоверие. Параллельно Серко проверял полученные от него сведения, разговаривая с Миусским: «... тот потом... сказывал, что подлинно на теле его знаки видением царского венца есть». Итогом стал переезд Воробьёва в сечевой город. При этом его свобода не ограничивалась: он даже «ездил по полям один».

«ИНФУРМАЦИЯ» ДЛЯ ВЛАСТИ

10 декабря 1673 года в Москву пришла «инфурмация» от гетмана И. Самойловича с изложением доноса Зуба.

14 декабря на Украину с грамотами к Самойловичу и Серко были отправлены сотник московских стрельцов Василий Богданов сын Чадуев и подьячий Малороссийского приказа Семён Щёголев (он уже был в Сечи осенью 1672 года с государевым жалованьем). В грамотах, что им вручили, сообщалось: царевич Симеон Алексеевич родился 3 апреля 1665 года и скончался 18 июня 1669 года; при погребении его в Архангельском соборе, кроме русских архиереев, присутствовали Александрийский патриарх Паисий, все царские бояре, думные люди, стольники, стряпчие и иных чинов служилые и жилецкие люди; но даже если бы царевич был жив, ему было бы только 9 лет, значит в Сечь явился плут и обманщик. Гетману указывалось придать царским послам провожатых до Сечи и потребовать от Серко выдать самозванца вместе с Миусским. Атаману запорожцев повелевалось передать «воров» царским послам для немедленной отправки всех их в Москву. Разумеется, за верную службу обещались награды и жалованье.

14 декабря была также послана царская грамота киевскому воеводе Юрию Трубецкому – повелевалось тайно разузнать о подлинной личности самозванца и принять меры к его поимке. 21 декабря Чадуев и Щёголев приехали в Батурин к Самойловичу. Он им сказал, что в Сечь ехать пока опасно, ибо неизвестно, прекратилось ли там «морское поветрие». Кроме того, гетман поведал, что недели за две до приезда послов отправил он своих людей в Запорожье с письмом, обличающим Воробьёва как «самозванца, и прояву, и вора, и плута», а также повелевающим прислать его к нему, гетману.

31 декабря гетман со своим войском и послы покинули Батурин. 8 января 1674 года они прибыли в Гадяч, откуда 14 января двинулись на соединение с войском Г. Г. Ромодановского. Самозванца к гетману так и не привезли. Более того, он вскоре узнал, что

его посланцы в Сечи задержаны, а Серко, уходя в поход на море, «приказывал де на коше, чтоб конечно самозванца

* В это время слово «курень» означало не только помещение для жилья, но также воинскую единицу во главе с атаманом и соответствующую территориальную единицу.

[с. 33]

почитали и всякую честь ему воздавали». Теперь уж гетман отпустил московских послов в Сечь, придав им от себя «войскового товарыща» Фёдора Белика.

НАСТРОЕНИЯ ЗАПОРОЖЦЕВ

К началу января 1674 года положение Семёна Воробьёва в Сечи укрепилось. Казаки надарили ему дорогого платья и сделали из тафты* знамя с двоеглавым орлом. У самозванца появился новый доброхот – казак Максим Щербак, разглашавший, что «самой истинной царевич Симеон Алексеевич на Запорожье ныне объявился. Он де, Щербак, про то про всё знает и ведаёт: тот де царевич по плоти; деда своего боярина Илью Даниловича Милославского ударил блюдом** и оттого ушёл. И по всей де Москве та слава носилась, что так правда была. А он де, Щербак, в то время на Москве сидел в тюрьме...»

Требование Самойловича передать ему самозванца было утопичным ещё и потому, что одной из казачьих «вольностей» был такой обычай: «на Запорожье никого не выдают, а говорят де, что они – войско волное: хто хочет, приходит по воле и отходит тако ж». Кроме того, 19 октября 1672 года в Сечи была получена царская грамота, из которой следовало, что царь позволил приходить к запорожцам на «кош» не только донским казакам, но и любым «из городов охочим людям».

Итак, в начале января 1674 года, слушая на раде грамоту гетмана, казаки смеялись и говорили про него, а также про «бояр» всякие «непристойные и грубые слова». Вместо сечевиков ответ гетману послал Воробьёв, причём письмо он «запечатал своею печатью наподобие печати царского величества, а зделали де ему ту печать запорожцы из скарбничных ефимков».

Когда же сечевики решили-таки отпустить гетманских посланцев, лжецаревич на раде «безчестил всячески гетмана» за то, что тот считает его самозванцем. Воробьёв также предрекал, что ещё не раз «бояре» будут присылать за ним знатных людей с грамотами будто бы от царя, но на самом деле без ведома государя; только таким посланникам не поздоровится; сам же он собирается ещё три года побыть в Запорожье и ходить против «басурман» в Крым и на Чёрное море.

Как раз из такого похода вернулся Серко в феврале 1674 года. Думается, часть привезённых им трофеев досталась «государичу». Кроме того, не позднее конца февраля самозванец получил от кошевого атамана «всяких столовых запасов» на 40 ефимков, которые были выделены из войсковой казны. Эти продукты были привезены из Переволочны по письму с «росписью» от Серко. Когда же атаман узнал, что в Сечь направляется царский посол Чадуев, чтобы забрать «царевича», он пригрозил ему побоями и «называл сабачьим сыном».

ЦАРСКИЕ ПОСЛЫ НА ПУТИ В СЕЧЬ

Между тем Чадуев и Щёголев были ещё за пределами Запорожской Сечи. Около 20 января 1674 года они приехали в Кереберду, городок в Полтавском полку близ Днепра. Тут к ним явился уже знакомый нам Щербак и предупредил, что «на Запорожье... им де ехать

незачем – даром пропадут». Когда же казак услышал в ответ, что в Сечи скрывается «вор и плут и самозванец и обманщик», то Щёголеву «плевал в очи» и советовал послам завязать себе рот, иначе они «даром злую смерть примут». Но ругань вышла Щербаку боком – он был отослан в Канев к гетману Самойловичу, который должен был его задержать до возвращения послов из Сечи.

4 февраля в местечке Кишенке на реке Ворскле Чадуева и Щёголева посетили приехавшие из Запорожья гетманские посланцы, а также сопровождавшие их запорожцы, среди которых были «самозванцов товарищ» Мережка и некто Лучко (Лука).

Посланники гетмана сообщили о январских событиях в Сечи и предъявили тот самый «лист», который самозванец написал гетману. Чадуев и Щёголев сняли с «листа» копию. Запорожцы же в разговоре с царскими послами «самозванца называли истинным царевичем и Василью и Семёну уграживали смертью». Например, Лучко говорил, чтобы они «на Запорожье не ездили – ещё у Кодака запорожцы встретят и повесят, а того самозванца выдать и не подумают». При этом Лучко утверждал, что он при Воробьёве «жил многое время и видел природные на теле ево на плечах знаки красные: царской венце, двоеглавой орёл, месяц з звездою». Хотя Мережка послам не угрожал, он вместе с Лукой был отослан к Самойловичу, который должен был удержать их до возвращения Чадуева и Щёголева из Сечи. Сходным образом гетман должен был поступать и с делегатами запорожцев.

Вскоре государевы послы узнали и о том, что Серко публично угрожал Чадуеву расправой. Тем не менее они написали гетману в Канев, «что на Запорожье ехать им время и чтоб он, гетман, прислал к ним своих посланцов и провожатых». Ответ пришёл 23 февраля, его привёз генеральный есаул Алексей Черняченко. Гетман велел ему проводить послов до Сечи и взять в провожатые 40 казаков Полтавского полка. 1 марта Чадуев, Щёголев и провожатые выехали из Кишенки в Сечь.

В десяти верстах до цели, на реке Томаковке они встретили группу знатных запорожских казаков, которые пасли лошадей. С ними находился Иван Миусский, который знакомому полтавскому казаку сказал, что «самозванца на Запорожье не отдадут, потому что верят ему, и во всём у них волен и хочет побывать в Крыму». Вскоре запорожцы и Миусский уехали, остался лишь бывший кошевой атаман Лукьян Андреев, чтобы помочь послам переправиться. Но во время переправы приехали к реке 12 запорожцев и стали «просить вина». Андреев поторопил послов и сказал, что им угрожает опасность: запорожцы уже «дважды царского величества посланников, побив, розграбили, а ныне де третьих – Василья и Семёна – хотят побить и розграбить». Наконец он предупредил, что по приезде послов самозванец, вероятно, будет на раде «озорничать» – демонстрировать перед ними свою власть. Переправились Чадуев и Щёголев благополучно, а вот Андрееву не поздоровилось – его запорожцы побили, после чего поехали вслед за первой группой казаков.

9 марта царские послы прибыли на «кош». Серко и все казаки встретили их за городом, там же и разместили – на берегу Чертомлыка в «греческой избе». А вот есаулу Черняченко и провожатым «велели стать в городе по разным куреням где хто хочет». Что же касается Лжесемииона, то отныне при нём был «крепкий караул» – для охраны от возможных покушений.

ВОЛНЕНИЕ В СЕЧИ

10 марта Серко созвал к себе в курень войскового судью С. Белого, войскового писаря А. Яковлева, куренных атаманов, знатных казаков и пригласил

* Тафта – гладкая, тонкая шёлковая ткань из кручёных нитей.

** Боярин И. Д. Милославский умер в 1668 году, значит его ударить блюдом должен был трёхлетний ребёнок.

царских послов. Когда те прибыли, им сказали, что сегодня рады не будет, поэтому царскую грамоту у них не примут. Тем не менее запорожцы поинтересовались, не за «царевичем» ли приехали Чадуев и Щёголев. Послы, как их учили в Москве, заявили, что «то вор и плут и самозванец». Казаки заявили обратное и поведали, что «царевич Симеон Алексеевич» желает увидеться с послами. Однако те наотрез отказались от встречи с ним. Тогда сечевики решили: «Мы де ево в раде им покажем, и они в раде учнут с ним говорить, и ведаем де мы, что они, по подобию узнав, поклонятца ему». Услышав это, Чадуев и Щёголев опять обличали самозванца, после чего пошли в свою избу. Казаки же отправились в дом к Воробьёву, где «пили мало не весь день, и Серко, упився, будто спал».

Часа за два до сумерек у избы, где остановились царские послы, столпились человек триста казаков, которых привели «царевич», судья Белый, писарь Яковлев и есаулы. Самозванец послал казака с повелением Щёголеву выйти к нему, но тот избы не покинул. Тогда Чадуев, выйдя в сени и отворив дверь, спросил, кто вызывает Семёна, лжецаревич произнёс: «Поди ко мне!». Чадуев спросил, кто он такой, и услышал: «Я – царевич Симеон Алексеевич!». Тогда он принялся обличать и ругать самозванца. Тот в долгу не остался, назвав, к примеру, послов «брюхачами и изменниками». Дойдя до кипения, Воробьёв обратился к сечевикам: «Смотрите – наши ж холопы да нам же досаждают!». Потом вынул из ножен саблю и с криком «Я тебя устрою!» ринулся на Чадуева. Тот схватил пищаль и прицелился. Самозванца спас Яковлев – схватил его поперёк туловища и унёс за хлебную бочку, стоящую рядом, а потом увёл в город.

Но тут вмешались казаки – одни с поленьями в руках окружили избу, другие начали разбирать у неё крышу. При этом они кляли Чадуева и грозили ему, повторяя: «Ты, старой, государича хотел застрелить!». Он приготовил свою пищаль, Щёголев – саблю, сопровождавшие их стрельцы – мушкеты. Все они решили стоять насмерть. Но потом послов осенило – они стали кричать, что у них царская грамота, и говорить, чтоб их до рады оставили в покое. Это возымело действие: казаки постепенно успокоились и разошлись. Но при этом они говорили войсковому судье и есаулам: «Поставте у них караул, чтоб не ушли, – умеют они, москали, из рук уходить!». И действительно, вскоре явился «полковник» Алексей Беляцкий с казаками, вооружёнными мушкетами, и поставил их у сенных дверей посольской избы.

Вечером того же дня кошевой атаман прислал к Чадуеву и Щёголеву четырёх «знатных казаков», которые убеждали послов, если им дорога жизнь, 12 марта на раде повиниться перед «царевичем» и поклониться ему до земли – тогда он простит их. Но послы заявили, что так поступать они не намерены.

На следующий день по приказу Серко у Чадуева конфисковали пищаль. А казаки открыли для себя новый источник дохода – стали приходиться к послам и вымогать у них деньги, угрожая в противном случае подговорить остальных «товарищей» на то, чтобы убить «брюхачей».

12 марта царских послов лишили ножей и привели на раду в сопровождении четырех караульных казаков с мушкетами. Самозванец в это время был в расположенной у майдана церкви и следил за происходящим через окно. Послы по данному в Москве наказу произнесли речь и вручили кошевому атаману царскую грамоту и гетманский «лист». Когда войсковой писарь прочитал их перед «радцами», Серко выступил с предложением не выдавать «царевича». Атаман говорил: «Как одного его выдадим, тогда и всех нас Москва по одному розволокут! А он де не вор и не плут – прямой царевич, и сидит, как птица в клетке, и никому ничего не винен». Присутствующие поддержали атамана, при этом раздавались призывы расправиться с послами. Но Серко напомнил, что в заложниках у гетмана находятся

их товарищи. Было решено Чадуева и Щёголева пока не трогать. Когда же некоторые казаки потребовали, чтобы

[с. 35]

царские послы тут же, на раде, повинились перед самозванцем, Серко сказал: «Он де государичь – зачем ему по радам волочитца? Когда будет час – увидят и без рады и по воле ево учинят». После этого Чадуева и Щёголева под караулом отвели к их избе.

Вечером им нанесли визит войсковой судья, писарь и есаул с предложением от Воробьёва свидеться и переговорить в курене кошевого атамана. И вновь послы наотрез отказались разговаривать со лжецаревичем.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ИГРЫ

С 13 по 17 марта запорожская элита каждый день вела с В. Чадуевым и С. Щёголевым разговоры о самозванце, пытаясь перетянуть их на свою сторону.

Во-первых, Серко изложил им вымышленную биографию Семёна Воробьёва: «А сказывает де он, самозванец, что он с Москвы изогнан таким подобием: некоторое время будто он, самозванец, был по плоти у деда своего у боярина Ильи Даниловича Милославского в полатах при нём, Илье Даниловиче; а в то ж де время был у него, боярина, немецкой посол и говорил о делах; и он де, самозванец, будто ту их речь помешал. И Илья де Данилович невежливо отвёл ево рукою. И он де, самозванец, будто в царские полаты пришед блаженные памяти к государыни царице и великой княгини Марьи Ильиничне*, говорил: если б ему на царстве хоть б три дни побыть, и он бы бояр нежелательных всех перевёл. И будто государыня царица и великая княгиня Марья Ильинична спрашивала ево, ково б он бояр перевёл. И он де сказал, что перве всех – боярина Илью Даниловича, потом и иных. И государыня де царица и великая княгиня Марья Ильинична будто кинула по нему ножом, и тот нож воткнулся в ногу. И он де будто от того занемог, и государыня де царица будто велела стряпчему Михаилу Савостьянову сыну ево окормить. И тот де стряпчей окормил вместо ево певчего таким же подобием в лице и возрастом и, сняв с него платья, положил на стол, а иное на того мёртвого; и ево, самозванца, будто хранил втайне три дни и нанял дву человек нищих старцов – один без руки, другой крив, а дал им сто золотых червонных. И те де старцы из города вывезли ево на малой тележке под рогожею. И отдан посацкому мужику, а тот мужик свёз ево к Архангелской пристани. И он, скитаяс там многое время, пришол на Дон, и был с Стенкою Разиным на мори, не сказывая про себя, и был у него, Стенки, кашеваром, а имя себе сказывал Матюшка. А перед взятъем де ево, Стенкиным, к Москве он, самозванец, ему, Стенке, про себя сказывал за присягою, и Стенка де ево знал. А после де Стенки был на Дону от царского величества посланной с казною (а хто имянем – не сказали), и он де, самозванец, тому посланному тако ж за присягою сказался, и тот де посланной ево, самозванца, дарил. И он де с тем посланным послал о себе, написав своею рукою, письмо, и того де ево, самозванцова, писма бояре до царского величества не допустили. И как де время дойдёт, пошлёт он к царскому величеству о себе письмо с таким человеком, которой сам до его царского величества донесёт».

Во-вторых, Серко привёл царским послам несколько, на его взгляд, несомненных доказательств того, что в Сечи пребывает истинный царевич Симеон Алексеевич.

Так, недавно атаман велел священнику расспросить Воробьёва на исповеди, не обманывает ли он людей. И тот у причастия поклялся, что говорит правду. После этого уже все казаки поверили «царевичу». Ещё одним доказательством его «подлинности», по мнению Серко, было то, что самозванец обещал испросить у государя всё, что нужно Запорожскому войску, – и сукна, и деньги, и свинец, и порох, и пушки, и ядра, и мастера-

артиллериста, и морские суда. Казаки были полностью согласны со лжецаревичем и в том, что «царское де величество до них милосерд, много обещает, а бояре и малого не дают». В пользу самозванца, на взгляд сечеви́ков, было и то, что крымский хан присылал к ним человека

* Первая жена царя Алексея Михайловича, дочь боярина Милославского, умерла в 1669 году.

[с. 36]

разузнать о «царевиче» и посмотреть на него. Серко и куренные атаманы утверждали, что не выдадут Семёна даже в том случае, если против них пошлют войска и в Сечь перестанут пускать купцов с удовольствием.

И всё же казаков терзали сомнения – уж больно упорствовали царские послы в своём нежелании признать Воробьёва истинным царевичем. 17 марта 1674 года ему был учинён осмотр и допрос в присутствии священника и 11 куренных атаманов. Оказалось, что на теле самозванца знаков «наподобие царского венца, и двоеглавого орла, и месяца, и звездою нет, толко на груди от плеча до друго́ва плеча восм пятен белых, как перстом ткнутые, а на правом плече – подобием, как лишаи бывают, широко и бело».

Была зафиксирована и мифическая биография самозванца. Её включили в грамоту царю, одобренную на раде 18 марта: «И мы его спрашивали, старинные атаманья, и духовной наш отец, для чего бы он так по стро́нам ходил, из вашего царского пресветлого величества полат пошел. И он в роспросе нам сказывал такие слова: в одно время бутто в ваших, царского пресветлого величества, полатах з бояры дума была, и он бутто говорил вашему царскому пресветлому величеству и просил вашего царского пресветлого величества на престоле три дни сесть и молвил: "Знал бы я, кому шею ссечь". И за то меня оттуды сведено. И после того спрашивала меня великая государыня и великая княгиня блаженные памяти Мария Ильинична мать моя: "Кому б ты шею отсёк?" И я сказал матери: "Вначале бы дедушку Илье Даниловичю Милославскому и иным батюшковым недругом". И за то меня мать окормит отравою велела. И которой дохаживал до нас именем Михайло Савостьянович стряпчей принёс мне отраву, и заплакал и про то сказал, и мне той отравы не дал, и меня здрава сохранил в полатах, а вместо меня в таких ж летех – не знаю, где взял, – робёнка уморил, и батюшку и матери сказал. И то тело погребено всем собором при патриархе Никоне. Да тот же стряпчей взял меня ночью и вынес под шубою, и отдал меня в дом нищих, и денег им много дал. Один нищей – Фёдор, глаз лев испорчен, а другой – Иван, рука правая крива. И те нищие довели меня до Архангелской пристани. И там жил в монастыре у чернца Феодора, никим не знаем, звался Матвеем. И три недели там пребыв, пошел оттуды з двема казаками на Волгу, где Ока входит в Волгу, – город забыл. И оттуды пошёл Волгою с людьми до Казани, а с Казани водою ж на Царицын, и с Царицына на Дон. И на Дону жил с три года в Черкасской станице у руского человека у Романа Ивановича да у Якова Фёдоровича. И пришол с Москвы на Дон к Донскому войску ис Посолского приказу Гаврило, я ему, подпив, промолвился, и он меня хотел сыскивать. Для чего я з Дону пошел с четырьмя человеки, и пришол к реке Донцу, и тамо нашол Миевского, и ему, Миевскому, изверился и сказал всю правду. Да хотел я итти х Киеву и там, в Киеве, помешкать хотел и проведывать, как бы к батюшку могл дотти. И пришед к войску Запорожскому, то розславил Миювский. И ныне бью челом вам, войску Запорожскому: везите меня до батюшка моего, да чтобы мне на дороге никакова зла не было. А батюшка меня узнает».

В тот же день Серко сообщил Чадуеву и Щёголеву, что завтра их отпустят восвояси. Самозванец же продиктовал войсковому писарю письмо царю. Вот оно: «Великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу помазаннику божию.

Бью челом я, сын твой, благочестивый царевич Семён Алексеевич, которой посвоился было при вашем царском пресветлом величестве, батюшке моём, на думных бояр, и за то меня хотели уморить и не уморили, потому что я и по се время твоими молитвами, батюшка моего, жив ныне на славном Запорожье при войске Запорожском, при верных слугах вашего царского пресветлого величества. Когда, батюшко мой, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец, сам своима очима меня увидиш и веры поимеш, когда я пред твоим царским лицом стану и к ногам паду, тогда правду мою познаеш. Бог всемогущий вся весть! И ныне я хотел к батюшку моему пойти, да чтоб на дороге зла какова не было. А войско верно тебе, батюшку моему, служат. По их войсковому челобитью пожалуй, о чём бьют челом для лутчего промыслу над бусурманы, чтоб не токмо полем доказывали над бусурманы над неприятели и побеждали, но и водою въ их прямую землю проходили и над ними знатную победу одерживали на всяко время по милосердию Божию и молением Пресвятыя Богородицы, заступницы всего народа христианского, и твоими праведными молитвами и счастьем вашего царского пресветлого величества. Также припадая ниско, челом бью и жалуюс батюшку моему царю Алексею Михайловичю на Семёна Щоголева да на Василья Чадуева, которые, приехав на кош з грамотами вашего царского пресветлого величества к войску Запорожскому и без указу вашего царского пресветлого величества, батюшка моего, взяв себе злый замысл, хотели меня из пищали застрелить. И таково их, Семёна Щоголева и Василья Чадуева, слово было: где бы ни есть имели вашего царского пресветлого величества сына и наследника достигнути, на том месте и умертвити. Однако ж всемогущий Творец за щастием вашего царского пресветлого величества, батюшка моего, не допустил мне от них, злых людей, нагло умрети, но до которого времени в целости меня за осторожностию войска Запорожского сохранил».

18 марта на раде были выслушаны грамоты от имени Сечи и «царевича», а также выбраны делегаты в Москву. Казаки постановили держать Воробьёва на «коше», пока не вернутся их посланцы и не скажут, подлинно ли он царский сын. После этого Чадуева и Щёголева позвали в курень к Серко, где им прочитали вслух «листы», адресованные царю и гетману, – в том числе от имени самозванца. Затем послы с провожатыми покинули Сечь.

На их проводах «царевич» не присутствовал. Вообще-то он просил у кошевого разрешения немного сопроводить Чадуева и Щёголева, однако выяснилось, что у него осёдланы три лошади, и на каждой – по паре пистолетов. Серко подумал, что «государич» намерен убить послов, и не отпустил его из города.

ФИНАЛ АВАНТЮРЫ

Отъехав от Сечи три версты, Чадуев и Щёголев остановились и стали ждать запорожских посланцев, которые должны были ехать с ними. Ждать пришлось «многое время». Когда же казачьи делегаты прибыли, то сказали, что везут лишь войсковые грамоты, а самозванец-де свой «лист» изодрал, рассердясь на кошевого атамана и знатных казаков, не разрешивших ему проводить послов. Однако Чадуев и Щёголев заключили, что запорожцы просто скрывают от них, что везут царю письмо от самозванца, и хотят передать это послание лично государю на аудиенции, так как подозревают, «будто бояре листов ево, самозванцовых, до царского величества не допустят».

[с. 37]

4 апреля 1674 года Чадуев и Щёголев прибыли в гетманский «табор под Переяславлем» и явились к Самойловичу, который вместе с князем Г. Г. Ромодановским был тогда в походе против Петра Дорошенко. Рассказ послов о событиях в Сечи слушали не только гетман «с генералною старшиною», но и князь «с товарищи».

Князь передал с послами предложение царю, чтобы тот прислал указ о конфискации всего имущества, принадлежащего И. Серко, и о содержании «в крепости» его жены и зятьёв. Впрочем, все последние уже и так находились под стражей «в ево, боярском полку».

Гетман же просил у царя указа, «чтоб изо всех городов всяких чинов людей на Запорожье с хлебом и со всякою харчью и ни для какова дела пропускать не велеть». Это, на его взгляд, единственный способ добиться выдачи самозванца, поскольку запорожцы уверились в него, как «басурманы» – в Магомета.

Совокупно же гетман, князь и их приближённые попросили передать в Москве, чтобы там задержали всех приехавших запорожцев, кроме 2–3 человек, с которыми в Сечь нужно послать царскую грамоту такого характера: «Если они того самозванца не отдадут, все те, которые оставлены, преданы будут злой смерти».

5 апреля Иван Самойлович на свой страх и риск разослал письма «во все крайние города Полтавского полку, приказывая под горлом, чтоб никто в Запороги оттуды итти и запасов им провозити не дерзал» до особого на то царского указа. 6 апреля Чадуев и Щёголев отправились в Москву. Туда они прибыли 4 мая. Но их опередили запорожские посланцы, приехавшие на три дня раньше.

13 мая делегаты Сечи присутствовали на царской аудиенции. Там им наглядно объяснили, что в Запорожье скрывается «вор и самозванец», и вручили грамоту, адресованную Серко, где говорилось, что пока лжецаревича не пришлют в Москву, основная часть запорожских посланников не покинет столицы, а уже готовое щедрое жалованье не будет отправлено в Сечь.

Между тем Семён Воробьёв уже чувствовал себя загнанным в угол. После отъезда царских послов он вдруг попросил у Серко сотню-две казаков, чтобы уехать на Дон и возмутить там голытьбу: и когда та чернь к нему приклонится, он, собрав по городам людей, пойдёт к Москве. Серко спрашивал, зачем ему войско собирать, ведь если «царевич» захочет ехать к Москве, атаман и сам даст ему провожатых. Самозванец говорил, что ему нельзя ехать к Москве с малым числом людей – бояре убьют. В ответ же он услышал, что тогда ему вообще незачем куда-либо ехать. Подобные разговоры были ещё не раз, и Серко, заподозрив, что «царевич» хочет убежать, приказал казакам получше за ним следить.

Но сечевики ждали своих посланников не только из Москвы – несколько «войсковых посланцев» томились в ставке Самойловича. Этим обстоятельством решил воспользоваться лжецаревич, дабы поддержать свой пошатнувшийся авторитет. 23 мая 1674 года на раде он продиктовал письмо в Ромны к брату гетмана – священнику Тимофею Самойловичу с просьбою посодействовать в освобождении запорожских делегатов. Послание он подписал собственноручно: «Пречесности вашей жычливый приятель благочестывий царевич и великий князь Семеон Алексеевич истинный низжайшее поклоненные [отдаёт]». Однако это предприятие провалилось, и дни самозванца были сочтены.

К августу 1674 года сечевики уже разуверились, что их посланцы к царю будут отпущены из Москвы просто так. После того, как в Сечь привезли царскую грамоту от 8 июля – всё с тем же повелением выдать самозванца, казаки решили повиноваться. 12 августа С. Воробьёва под стражей повезли в Москву, предварительно разоблачив его и в переносном смысле, и в прямом: «... а везён в кафтанишке в чёрном в сермяжном, да в чюлках белых, да в бахилках в салдацких». Вместе с ним был отправлен и его соратник Миколайка.

15 сентября лжецаревича с «товарищем» подвезли к Москве. У Земляного города напротив Смоленских ворот их ждал целый полк московских стрельцов. Самозванца возвели на ту самую телегу, на которой некогда везли Разина, приковали руками к дыбе, связали цепью за шею и поперек тела, после чего повезли по Тверской улице в Земский приказ. Впереди и позади телеги ехали стрельцы и запорожские казаки.

В тот же день начался «розыск» (следствие). Воробьёв не стал упорствовать в том, что он – царевич Симеон Алексеевич, но своё настоящее имя произнёс не сразу. Поначалу он выдал себя за сына князя Иеремии Михайловича Вишневецкого, который был отцом правившего Речью Посполитой в 1669–1673 годах Михаила Корибута. В то же время самозванец,

рассказывая о своей жизни до встречи с Миусским, не стал особенно искажать реальную биографию. На пытке он окончательно разоблачил себя, назвав настоящего отца и повторив несколько раз историю своей жизни.

16 сентября Воробьёву устроили очные ставки с войсковым писарем Яковлевым и Миколайкой. Затем самозванца вновь подвергли пытке, но ничего нового следователи не узнали. После этого ему был вынесен смертный приговор.

17 сентября его четвертовали на Красной площади, а отсечённые члены воткнули на колья. Следующим утром колья с его останками были перенесены на «Болото» (пустырь на противоположном от Кремля берегу Москвы-реки) и размещены рядом с останками Степана Разина.

Источники

РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1673 г. Д. 40; 1674 г. Д. 6, 11; Оп. 3. Д. 304, 306; Оп. 4. Д. 19, 21–23; Ф. 229. Оп. 2. Д. 23.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1842. С. 528–531.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сборник документов. Т. 3. М., 1962. С. 317–319, 326–338.

Литература

Костомаров Н. И. Самозванцы и пророки: Исторические монографии и исследования. М., 1997. С. 172–199.

Соловьёв С. М. Соч.: В 18 кн. Кн. 6. М., 1991. С. 440–446, 453–455, 458–459.